

"Кровать, подходящая для короля, в обмен на это?"

Ланс потер затылок. "Да, я так не думаю. Я уйду с вашего пути".

Прежде чем он успел забрать деньги, мадам выхватила купюру из рук.

"У меня есть именно то, что вам нужно, мой дорогой Ланс".

"Подождите, у вас есть? За двадцать баксов?"

"Конечно. Как я уже говорила". Она засунула платежку глубоко в свое роскошное декольте. Оно полностью исчезло. "У меня есть все, что вам нужно. Теперь следуйте за мной".

Ланс с опаской последовал за ее покачивающимися бедрами. Она шла плавнее гадюки, мимо ряда за рядом причудливых кувшинов и древних книг. В конце концов, она подошла к занавесу из стеклянных бус.

При ближайшем рассмотрении Ланс понял, что его разум, должно быть, разыгрывает его. Потому что он увидел людей, запертых в этих бусах. Эфемерные фигуры, обнаженные и закованные в цепи. В каждой крошечной сфере, уменьшенной до дюйма в высоту, была своя жертва.

"У вас тут какие-то сумасшедшие спецэффекты..." Он попробовал узнать ее имя.

"Зовите меня Мазикин. И спасибо, что заметили. Мне потребовались годы, чтобы приобрести детали для этого занавеса".

Кладовая за дверью была не менее таинственной. И только немного пылее. Загадочно вырисовывались покрытые простынями формы. Ланс попытался найти какую-нибудь границу этого пространства. Но не смог найти. Возможно, это оптическая иллюзия.

Мазикин повел его вглубь льняного леса. Мимо деревянных ящиков, исписанных рунами, и фигур за фигурами, покрытыми листьями. Формы, которые он не мог определить. Наконец, она резко остановилась перед прямоугольной формой.

"Вот она. Эта кровать - особенная".

Мазикин с размаху откинула простыни. И у Ланса отпала челюсть. Причудливая - это было преуменьшение.

"Святое дерьмо."

Она слегка хихикнула. Как будто в слове "святой" была какая-то непонятная ему ирония.

"Я же сказал, кровать, подходящая для короля".

С опаской, словно прекрасная вещь могла рассыпаться от его прикосновения, Ланс провел руками по роскошной кровати. По шелковистым пурпурным простыням. По пунцовому изголовью и изножью с мягкой обивкой. Благословенная прохлада и сухость, идеальная для жаркого, липкого лета.

"Давай, попробуй. Она не укусит".

Уставшие руки проверили пружину матраса. Она прогнулась под его прикосновением, обнимая его руку.

"Ух ты. Это пена с памятью?"

Мазикин моргнула; она никогда раньше не слышала этого термина. "...Конечно".

Не обращая внимания на рубашку на пуговицах и хакисы, Ланс провалился в райские объятия. Мягкость поглотила его спину. Идеальная поддержка и бесконечный комфорт одновременно. Как когда ты весь день проработал на солнце. И наконец пришел домой в мягкую постель.

Веки отяжелели, и Ланс почувствовал, что задремал. Сначала он пытался бороться с этим, но вдруг под ним оказалась подушка. Идеальная высота, чтобы укрыть его свинцовую голову. Засыпая, он увидел у изножья кровати Мазикина. Он победно ухмылялся черными губами и клыками.

...Подождите, клыки?

На самом деле, все в ней было по-другому. Во-первых, она была голой, и у нее были крылья. Большие кожистые крылья летучей мыши. Хищные мышцы покрывали каждый дюйм ее серебристо-серой кожи. Нигде ни намек на жир. Кроме груди, которая теперь была огромной. Они переливались через подножку, как спелые тыквы. Проколотые соски, короткие, но толстые, так и просились, чтобы их пососали.

"Глупый самец". шипела Мазикин.

Ланс издал голодный стон. Его член пульсировал, как укушенная змея. Присутствие Мазикина только разбудило его похоть. Как концентрированная виагра, выстреливающая прямо в член. Массивные серые груди раскачивались, гипнотические маятники языческих сисек. Каждый полный взмах вызывал пульсацию в его паху. В его хороших хакисах было больно. Они были такими тесными. Но его это уже не волновало.

"Нет, не надо... Остановись... Я женат..." Ланс вздохнул.

"Думаешь, это меня остановит?" шипел Мазикин. "Я знаю, что в глубине души тебе все равно. Ты такой же, как и все остальные. Ты хочешь умереть между этими сиськами..."

Внезапно он осознал, что внутри него течет сперма. Густая и тягучая. Липкая от долгого сидения без огня. Теперь она наконец-то бурлит. Возбужденная животной похотью и готовая разжечь большой, грязный оргазм. Нет, не здесь. Не в его новых штанах. Не на этой прекрасной кровати...

Жирное вымя Мазикин душило его. Тяжелые и невероятно упругие. Мускулистые ноги обхватили его бедра. Кровать скрипела от ее плотного веса. Он не мог говорить. Он не мог дышать. Он не мог двигаться. Все, что он мог делать, это пульсировать.

"Кончи, поросенок. Кончи для меня".

Ланс сильно сжал мышцы промежности. Отчаянно и вызывающе по отношению к стоящей на нем твари. Что-то толстое и сильное растегнуло пряжку его ремня и скользнуло в брюки. Резиновая плоть сжала его член и погладила его. Наконечник лопатки дразнил уретру своим тупым острием...

Ланс попытался оттолкнуть эти адские железы от своего лица. Но они не сдвинулись с места. Голубые глаза Мазикин обжигали его. Она использовала его тело для собственного удовольствия. А его плоть предавала его, безмерно влюбленного. Каждое мгновение, которое он тратил на то, чтобы сдерживать свою струю, только усиливало ее.

И больше...

И больше...

И еще больше...

Пока, наконец, не кончил. Липкая слизь пропитала его боксеры. Мазикин смеялся и гладил его во время оргазма. Выдавливая одну за другой порции мужского крема толщиной с мизинец. Пока она не пропитала его штаны. Струйки стекали с его бедер на красивую кровать. Лениво, как медленный фонтан, он продолжал кончать. Пока лужа спермы на матрасе не достигла почти фута в поперечнике.

Тогда Ланс проснулся.

От ужаса он резко вскочил на ноги. Заикаясь, он извинился перед Мазикин. Боялся посмотреть на нее, потому что она была голой. Представьте себе его удивление, когда она снова стала прежней. Приятная, профессиональная и полностью одетая. Смутившись, он пощупал свою промежность и понял, что она сухая. И на кровати не было неприлично глубокой лужи спермы.

"Что? А? Но я просто... Ты был... Мы просто..."

Мазикин издал воркующий смешок. "Кому-то приснился непристойный сон?"

"Конечно, нет". Ланс взял себя в руки.

Мазикин скользнул на кровать рядом с ним. Тонкая рука нашла его бедро. "Не волнуйся. Я тебя не осуждаю". сказала она не совсем искренне. "Такие вещи случаются. Если разобраться. Похоть - это просто напряжение. А такая кровать, как эта, предназначена для того, чтобы разрядить все твоё напряжение". Она сжала его бедро. "Ты понимаешь, о чем я?"

"Конечно. Только при условии, что ты не расскажешь об этом моей жене". Лансу было далеко не комфортно. Но он скрыл это смехом.

Мазикин придвинула свои гладкие бедра на миллиметр ближе. "Полагаю, это означает, что она тебе нравится".

"Она?" Ланс наконец-то зарегистрировал местоимение.

Мазикин постучала пальцем по изголовью кровати. "Она предпочитает мужчин. И я думаю, что ты как раз в её вкусе".

"Ну, думаю, пока она не против делить меня с Анной". Ланс захихикал.

Еще один ироничный смешок от мадам. Он все еще не знал, что это значит. Совесть защемило, и он потянулся к бумажнику. В частности, к платиновой карте.

"Так сколько за нее?"

Улыбаясь непоколебимо, Мазикин с неожиданной силой схватил его за запястье. "Двадцать долларов, как мы и договаривались".

"Я не могу забрать ее у тебя за такую маленькую сумму".

"Можешь". Черные губы щекотали его ухо. "Я женщина слова".

==0==

Ланс не ожидал, что Мазикин поможет ему вытащить кровать. Но женщина, очевидно, не боялась засучить рукава. Как всегда джентльмен, он взял на себя более тяжелую переднюю часть, а она занялась подножкой.

Он также не ожидал, что задняя дверь кладовой окажется в дюжине ярдов от того места, где с ним произошел... несчастный случай. Он мог бы поклясться, что задней стены там раньше не было. Еще более странным был переулочек между Зверинцем и Метро. Удобно, что он был достаточно широк, чтобы они могли проехать. Лэнс увидел синий кузов своего грузовика и застонал.

"О, черт возьми, шины".

"С ними что-то не так?" Мазикин насмешливо посмотрел на них. Он не сказал.

"Двойное сдутие. Мне все еще нужен тот эвакуатор".

"По-моему, они в порядке". Она кивнула на шины.

Лэнс увидел, что они совершенно целы, и протер глаза. "Что за черт? Я мог бы поклясться..."

"Я думаю, тебе нужно поспать, дорогой. Ты выглядишь измотанным". Сильные руки Мазикина снова нашли его плечи. Крепкий захват, почти сжимающий его шею.

"Да, поспать. Это хорошая идея".

Мазикин смотрела, как он уходит. И как только он скрылся из виду, ее черные губы сомкнулись над белыми клыками.

"И Силл снова ловит свою добычу. Глупое человеческое создание".

Суккуб достала из декольте купюру и поднесла ее к носу. Глубоко вдохнув, она запомнила запах. Теперь она могла выследить его в любой точке мира. Даже после того, как кровать сожрет его заживо.

Силл сжала купюру в кулаке. Вспышка красного огня сожгла ее в пепел. Затем она направилась обратно в магазин, человеческое обличье понемногу исчезало под солнечными лучами. Она успела вернуться внутрь, прежде чем появилась ее истинная форма.

"Повеселись с Гестией, человек. Она должна проснуться со дня на день. И она будет голодать".

И когда она сказала "голодать", она имела в виду это буквально.

==0==

Анна опустила трубку обратно в подставку. Нервы сдали после двадцати минут

безостановочной болтовни богатого старика, и она пригладила свои платиновые волосы. Обычно уложенные идеально, сейчас они были всклокоченными и неухоженными. Сегодняшний день был жестоким.

Все говорили ей, что быть генеральным директором будет легко. И в какой-то степени это было правдой. Но это сопровождалось одной неприятной особенностью. Ты всегда был включен. Когда вы работали, вы были включены. Когда вы спали, вы были включены. Когда вы проводили время с семьей, вы были ON. Все важное в вашей жизни заканчивалось на четырех углах вашего офиса.

Энн шаркала по своему большому кабинету. Гладкий и современный, он был пуст. Ее целью был графин с виски. Тройная порция прояснит ее голову. Янтарная жидкость обжигала горло и бурлила в желудке. Тем не менее, алкоголь хорошо успокаивал ее нервы.

"Какой-то сон, да?" Энн подняла тост за свое одиночество, а затем выпила свою рюмку. "За то, чтобы получить все, что мы когда-либо хотели".

"Мне жаль. Что я была такой сложной в последнее время. Эта работа просто высасывает твою жизнь и..." Энн прервала признание. "Нет, я не собираюсь оправдываться. Я хочу загладить свою вину перед тобой. Наша годовщина через семь дней. К тому времени все изменится, я обещаю".

Она произнесла все обещание, обращаясь к фотографии мужа. Висевшей, как святыня, на стене ее кабинета. Затерянная среди бесчисленных наград, восхваляющих ее мастерство как безжалостной бизнес-леди. Если бы только она могла сделать такое признание самому мужчине.

<http://erolate.com/book/3326/78975>